И. Ф. ТЮМЕНЕВ. ИЗ ДНЕВНИКА

Публикация Н. Н. Фоняковой

памяти э. э. язовицкой

Среди авторов мемуарной литературы о Достоевском имя Ильи Федоровича Тюменева (1855—1927) до сих пор не было известно. Между тем, в истории русской культуры этот человек— литератор, композитор и либреттист — оставил заметный след. Его неопубликованный дневник в десяти томах со многими дополнениями («Моя автобиография)», а также другие материалы по истории, географии, фольклору, истории театра, музыки, искусства, хранящиеся в ГПБ¹, являются ценным источником сведений для советских музыковедов и искусствоведов; они уже использованы в разных работах ².

«Моя автобиография» содержит не только свидетельства современника о людях и быге своего времени, о музыкальной, театральной, художественной и литературно-общественной жизни Петербурга более чем за полвека (с начала 1870-х годов до 1927 г.), но и ряд документов эпохи: письма композиторов и художников, портреты разных лип, программы литературных и музыкальных вечеров, театральные афици, рисунки самого разнообразного содержания (в том числе виды Петербурга и других городов России и заграницы, иллюстрации к произведениям классиков русской и зарубежной литературы. бытовые сцены, интерьеры и пр.), а также фотографии и газетные вырезки.

В 1880 г. Тюменев поступил в Академию художеств на живописное отделение. Здесь он учился под руководством П. А. Черкасова (см. о нем ниже) и закончил курс в 1883 г.³

Многочисленные автоиллюстрации Тюменева и рисунки, вклеенные в рукопись «Дневника», говорят о том, что хотя он и не получил звания художника, однако обучение в Академии развило его способности рисовальщика и дало необходимые профессиональные навыки.

Воспоминания Тюменева о похоронах Достоевского представляют большой интерес. Живой, непосредственный и образный рассказ его вносит новые штрихи в описание похорон по сравнению с уже известными мемуарами. Он выражает также отношение учащейся молодежи к писателю, дополняя общую картину, вводя новые имена участников похоронной процессии, новые подробности, а зарисовки автора дают и ее зрительное изображение.

Кроме того, самый дух и характер этих выдержек из дневника Тюменева, писавшего для самого себя, наглядно свидетельствуют, насколько злободневным было творчество Достоевского, насколько остры были для современников поставленные им вопросы.

К «Автобиографии» Тюменева приложены рукописные журналы «Дело и шутки», «Баян», «Непризнанный», «издававшиеся» Тюменевым и его друзьями.

Из них журнал «Непризнанный» № 12 за 1881 г. целиком посвящен памяти Достоевского. В статьях отразилось восприятие современниками творчества и личности писателя. Заслуживают внимания и иллюстрации к романам «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и к рассказу «Честный вор» (одни из самых ранних к произведениям Достоевского) с их типажами и бытовыми аксессуарами конца 1870 — начала 1880-х годов.

(КОНЧИНА ДОСТОЕВСКОГО)

(1881 г.) 29 января, четверг. Сегодня мы с глубоким прискорбием узнали из газет, что вчера в 8 ч. 40 м. вечера скончался Федор Михайлович Достоевский.

Мне кажется, скончайся теперь Тургенев, Гончаров, Островский, никого бы не было так жалко, как именно Федора Михайловича, который только что начал завладевать вниманием общества, только что крайне зачитересовал всех своими «Карамазовыми», только приготовился повествовать дальше о судьбе Алеши, этого, по его намерению, нового русского евангельского социалиста, только было все мы приготовились слушать его вдохновенное слово... Как вдруг смерть разбила все замыслы, все ожидания, все надежды...

Венок. У нас в Академии собрали 110 р. на венок незабвенному писателю. Дело было так: вечером в рисовальном классе подходит ко мне ученик нашего курса Архипович 4, малоросс, простоватый парень, но в сущности теплый и задушевный.— «Вы знаете, что Достоевский умер?» — обратился он ко мне.— «Знаю».— «Что же вы на это скажете?» — «Что же сказать? Грустно!» — «Да этого мало, — заговорил он. — Надо что-нибудь сделать. давайте соберем ему на венок». — Я удивился, почему эта мысль не пришла мне раньше, и, конечно, отнесся к предложению с полным сочувствием, подписав тут же на венок 5 рублей. Сбор начался сразу во всех трех рисовальных классах (в головном — Архипович, в фигурном — Вершинин ⁵, в натурном — Чирка ⁶; они все трое живут вместе на квартире в Академии). Все ученики с большой готовностью внесли свои посильные лепты на венок великому учителю. (Подписав 5 р. Архиповичу, я встретил Чирку с листом — и тому внес еще добавочный рублик.) Конечно, и у нас нашлись люди, которые спрашивали сборщиков:—«Кто же это такой, Достоевский?» — но таких было очень мало и с таких собиратели денег не спрашивали, а просто шли дальше, оставив их без ответа (кто-то из них, услыхав такой вопрос, будто бы даже плюнул с досады).

За два дня собрано 110 р., из которых часть решено употребить на венок, а остальные сдать в «Новое время», где уже открыт сбор на памятник 7.

30 января, пятница. Вынос тела Φ . М. Достоевского в Лавру. Депутация от наших учеников была на панихиде в квартире покойного (на Кузнечном — ныне улице Φ . М. Достоевского в) и со слов Дмитрия Васильевича Григоровича в объявила в классах, что вынос тела будет завтра в $10^{1}/_{2}$ ч. утра и что понесут прямо в Невскую лавру (в газетах время выноса и церковь были показаны неверно; вероятно, после напечатания произошла перемена) ^{10} .

Вечерние классы прошли у нас в приготовлениях к завтрашнему дню и в переговорах: где, как и когда собираться. На вынос наших обещалось прийти человек до 60-ти, все больше живописцы.

31 января, суббота. Часов в 10 утра подъехали мы с Федором Федоровичем 11 ко Владимирской церкви и принуждены были оставить извозчика: весь Кузнечный и даже часть Владимирской площади были покрыты народом. По Кузнечному стройными линиями стояли уже десятка два или три венков, вплоть до самого дома, где находилась квартира Федора Михайловича.

У одного венка густою толпою стояли гимназисты. (Д. Н. Соловьев ¹² рассказывал, что ученики их первой гимназии, несмотря на запрещение директора ¹³, собрали деньги на венок и старшие из них ушли тайком из гимназии, чтобы участвовать в процессии.) Другой венок окружали ученики реального училища. Тут же неподалеку был венок от Бестужевских

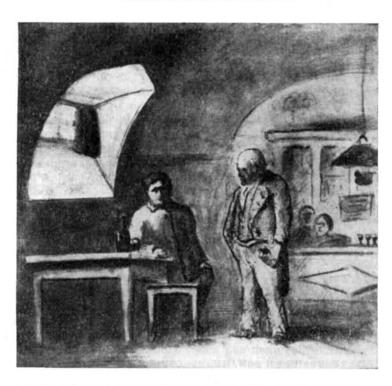

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Рисунок И. Ф. Тюменева, 1881

Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,

Ленинград

курсов, окруженный дамами и девицами. Далее в глубину, по направлению к дому, находился венок от Общества выставок, около которого о чемто хлопотал И. Н. Крамской 14, тут же был Лемох 15 и другие художники. За ними стоял венок от артистов русской оперы и подле него виднелась длинная фигура В. И. Васильева 1-го 16, рассуждавшего о чем-то с Морозовым 17 и Мельниковым 18 (потом рассказывали, будто бы Мельников получил от Кистера 19 выговор, что пошел на вынос без разрешения: он мог там простудиться, осипнуть, заболеть и нарушить репертуар). За оперным стоял венок от русской драматической труппы. Здесь мы увидели Бродникова, Сазонова 20, Петипа 21 и др. Тут же стоял Каразин 22 с венком от Клуба художников, уже дышавшего на ладан и существовавшего чуть ли не в лице одного Николая Николаевича, который, кажется, перевез к себе и всю движимость Клуба за неимением средств платить Павловой 23 а помещение, — остальные члены разбрелись «розно».

Мы принялись разыскивать наших учеников и, наконец, увидели их подле венка от передвижных выставок. Но нашего венка еще не было; его ждали с нетерпением, почти с тревогою. Почти вместе с нами явился и венок. Прибежал запыхавшийся Архипович (которому поручено было заказать венок и распорядиться его доставкою). Нетерпение и ажитация были так велики, что, не дожидаясь, пока артельщик развяжет бумагу, обертывавшую ленту, Архипович сам ухватился за веревку с целью сразу разорвать ее и так сильно стал ее дергать, что в кровь изрезал себе руку. Наконец бумага была снята, синяя лента, на которой серебряными буквами было напечатано: «Ученики императорской Академии художеств», распущена, венок поставлен в ряд и сердца наши поуспокоились.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Рисунок И. Ф. Тюменева, 1881

Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

С шумом и громким говором прибыли студенты университета, неся свой громадный венок, украшенный пальмовыми ветвями наподобие лиры, истали впереди нас. Они оканчивали 4-ю группу по церемониалу, мы начинали 5-ю. Распорядителем у них был любимый ими профессор Орест Федорович Миллер. Из толпы студентов выделился хор и занял место в цепи, составленной нами и студентами; хор стал позади своего венка, к нему присоединилось человек 20 наших певцов.

Распорядитель нашей группы Дмитрий Васильевич Аверкиев ²⁴ принес толстую пачку листков с автографом Федора Михайловича и начал раздавать их ²⁵. Идея была прекрасная: выходило, будто бы сам покойный писатель благодарит нас за посещение и посылает на память свой автограф. Я вообще толкаться и протискиваться не мастер и потому, когда дошел по очереди до Аверкиева, листки были уже все розданы. Но Федор Федорович (Светлов) отдал мне свой (помещен в «Непризнанном»), а вечером Михаил Андреевич ²⁶ дал мне еще листок, который и приложен рядом ²⁷. (М. А. взял этот листок специально для меня.)

Между тем публика все прибывала. Часы показывали уже четверть двенадцатого. В глубине от дома послышалось пение: гроб вынесли из квартиры.— Вперед!— раздались голоса; венки поднялись, толпа заколыхалась, и через две-три минуты процессия тронулась.

На колокольне Владимирской церкви загудел колокол, и почти вслед за первым ударом рядом с нами раздалось торжественное «Святый боже»: пел университетский хор, подкрепленный десятками голосов из окружающей, движущейся толпы. При первых звуках молитвы головы всех обнажились. Медленные печальные звуки «Святый боже» так сильно хватали за душу, что у многих из нас к горлу подступили слезы. На меня эти звуки подействовали с особенною силою (...)

Наш думский первый бас с видом богатыря, Михаил Павлович Иванов 28, бывший в толпе, рассказывал потом Берману, что принужден был отойти к сторонке, так как расплакался как ребенок. Такие минуты: подобные вышеописанной, случаются, конечно, редко и озаряют нас недолго, так было и здесь. Хотя пение не умолкало до самой Лавры, но того потрясающего впечатления оно уже не производило. По мере движения и шапки при новом запевании «Святый боже» стали сниматься все туже и туже, а в самой цепи на Невском стали и покуривать (как будто нельзя было отходить на это время к панели). Вскоре и сами певцы перестали во время пения снимать шапки и, в конце концов, молитва в шапках, под гул и разговоры окружавшей толпы, над которой носились облачка папиросного пыма, обратилась в какую-то холодную формальность, занимавшую разве одного только дирижера, который почему-то именно теперь яро размахивал руками, пятясь задом во время пения. Словом, теперь внечатление куда-то расплылось и точно испарилось, но первого момента «Святый боже» на Кузнечном я не забуду никогда. В тот момент все действительно как-то ощутили веяние божества, и верующие, и неверующие, это чувствовалось всеми, а чувство подчас является тоньше и прозорливее самого врения глазами.

У Владимирской церкви была отслужена лития ²⁹, процессия на некоторое время остановилась. Я в это время встал в цепь вместе с двумя другими нашими учениками и все время до Лавры шел уже боком, держась за руки с соседями. Вокруг самого гроба род цепи составляли гирлянды из еловых ветвей, которую несли на палках, как один громадный венок, ок-

ружавший и гроб, и провожающих.

Погода была прекрасная: 1 или 2° тепла; ветра ни малейшего, сырости под ногами тоже не было. День выдался исключительно теплый, точно по заказу для проводов Федора Михайловича. На другой же день настал опять мороз и задул ветер; ранее такого тепла также не было. Невский был буквально запружен народом. Экипажи могли двигать-

Невский был буквально запружен народом. Экипажи могли двигаться только на узком пространстве для двух рядов, остальная часть проспекта была занята процессией и толпами народа, сплошною стеною стояв-

шего по сторонам.

На вопросы некоторых старушек: «Кого это хоронят?» — студенты демонстративно отвечали: «Каторжника». Одно время между ними произошло движение, послышались голоса: «Господа, пропустите, пропустите ректора». Толпа их раздвинулась, давая место старику с седой бородою, в шубе, который, несколько как бы конфузясь, поспешил пройти вперед. Это был ректор университета Бекетов 80.

Процессия растянулась на огромное расстояние и походила на какое-то триумфальное шествие: гроб только что выносили на Невский, а первые венки подходили уже к Знаменью ³¹. Тротуары, окна, балконы были покрыты зрителями. На остановленных вагонах конки вверху происходила форменная давка. Во время движения процессии к ней присоединились еще два венка из Москвы от студентов Московского университета и от Катковского лицея.

Венок от русской драматической труппы несла вместе с Сазоновым М. Г. Савина, и эта дань уважения к покойному пришлась многим по сердцу. Молодежь вела себя безукоризненно, вполне покойно и прилично (если не считать курения, но в нем повинны и артисты, и многие из публики). У Знаменья была отслужена новая лития.

На время литии наше пение замолкало и все останавливались; затем снова крики: «вперед!», снова «Святый боже», и процессия трогалась в

путь.

На Лаврской площади я вышел из цепи и пропустил гроб и всю процессию. Перед гробом несли венки от литераторов и редакций разных

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ЧЕСТНЫЙ ВОР»

Рисунок И. Ф. Тюменева, 1881

Государственная публичная библиотека РСФСР

им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

журналов. (Венок «Русской речи» (рисунок ниже) помещался на хоругви, которую, как говорили потом, поставили в Духовской церкви ³² на хорах, и она красиво склонялась над толпою молящихся). Были венки от «Нового времени», «Петербургского листка», «Всемирной иллюстрации» и от некоторых других, которых я уже не помню.

Сам гроб, вместе с провожавшим его народом, как я уже говорил, был очень красиво окружен зеленою гирляндой, тянувшейся от венка Сла-

вянского общества ³³, несенного впереди самого гроба.

Тут я земным поклоном простился с дорогим умершим и долго провожал глазами золотую, покрытую венками крышку гроба, которая высоко

в воздухе как бы царила над окружающей толпой.

У ворот Лавры гроб встретил лаврский наместник ³⁴, по слухам бывший хорошим знакомым покойного. У ворот произошла давка. Говорят, чуть было в тесноте не задавили маленькую дочь Федора Михайловича, которая на другой день произнесла такой чудный, трогательный экспромт. Алексей Потехин ³⁵ вытащил ее на руках из толпы. Григорович в воротах просил публику не входить в Лавре в самую церковь, так как места едва ли хватит на 2000 человек.

Когда процессия прошла ворота, в них послышались крики, оханье

и пр. Это толна тискалась в ворота.

Я повернулся и пошел домой. На углу против Лавры какой-то писатель продавал по полтиннику 5-копесчные Везенберговские карточки ³⁶ покойного. Не утерпел, чтобы не купить и себе карточку на память об этом дне, и до самого вечера мы оба с Федором Федоровичем (Светловым) были полны впечатлениями пережитого. Я много играл подходящих к настроению вещей Бетховена, Шуберта, а он сидел и слушал.

Вечером Соловьевы ³⁷ справляли новоселье. Были Берман и Черкасов ³⁸, оба присутствовавшие на выносе. Понятно, что целый вечер речь шла только о впечатлениях дня. После ужина гости разошлись, а мы: Михаил Андреевич (Берман), Светлов, хозяин Костя и я, продолжали разговоры, говорили об идеализме и реализме, проводили параллель между Достоевским и Щедриным, между Шиллером и Гейне и добеседовались незаметно до 7^{1/2} ч. утра! Пример даже в наших летописях небывалый!

Похороны Ф. М. Достоевского

На другой день (1 февраля, воскресенье) Федора Михайловича похоронили. В церкви были только два депутата от наших, при венке и П. А. (Черкасов).

Схоронили его неподалеку от ворот на правой стороне при самом въезде в Лавру ⁵⁹. Место будто бы бесплатно дано митрополитом. Говорят, очень сильное впечатление произвел экспромтный крик маленькой дочери Федора Михайловича, кричавшей к нему в могилу: «Прости, милый, добрый, хороший папа! Прости!»

В газетах писали, что университетский венок обвил могилу, а наш ака-

демический помещен в головах.

Относительно оставшихся от покупки венка 48 рублей в собрании кассы учеников был поднят вопрос, куда их лучше употребить. Толковали, толковали и ни на чем не решили. На этом собрании я не был и пишу по рассказам участников. Проектов и предложений (даже порою комичных) была масса. Один предлагал на эти деньги купить сочинения Достоевского, а на остаток — еще другого писателя и основать ученическую библиотеку (!). Другой (из евреев) с большим апломбом предложил отдать деньги вдове какого-то титулярного советника, на которую обращается внимание благотворителей в какой-то газете. Шум, гвалт, споры, крики, а толку никакого. Ни о школе имени Федора Михайловича, ни о стипендии никто, очевидно, не читал, а о памятнике как будто позабыли.

Третий экзамен и вечер, посвященный Ф. М. Достоевскому

<...> 7 февраля, в субботу был у нас третий экзамен.

 $\langle \dots \rangle$ В этот же день наш субботний вечер был посвящен памяти Ф. М. Достоевского. Из журналов вышел один «Непризнанный», но весь номер целиком был посвящен покойному. Вот программа вечера: Marche funèbre из 3-й симфонии Бетховена — на двух роялях — мы с Нюшей ^{40} .

Чтение номера «Непризнанного» — читали авторы. В номере были статьи: Ф. М. Достоевский — характеристика писателя — моя. Из дневника ученика Академии художеств (о выносе — моя же). Мои впечатления при чтении произведений Достоевского (Костя Соловьев). Памяти Ф. М. Достоевского (С. Ф. Светлова) 41. Стихотворение — папаша 42. Рисунки: портрет Федора Михайловича (Ф. Ф. Светлов). Эскиз к рассказу «Честный вор» (мой). Эскиз к «Братьям Карамазовым» (Митя и Грушенька — Ф. Ф. Светлов). Эскиз к «Преступлению и наказанию» (Мармеладов и Раскольников) — мой.

Духовные песни Бетховена пел я.

Квартет «Над могилой» — Даргомыжского.

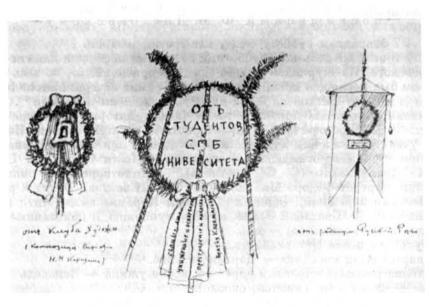
Чтение рассказа «Честный вор» — и после ужина — Исповедь Мармеладова — читал я (и, кажется, сносно).

Народу было мало, но вечер провели прекрасно 43.

похороны достоевского

Ученики Академии художеств в похоронной процессии
Рисунок (перо) И. Ф. Тюменева, 1881
Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,
Ленинград

похороны достоевского

Венки от клуба художников, студентов Петербургского университета и редакции газеты «Русская речь»

Рисунок (перо И. Ф. Тюменева, 1881

Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Лекинграп

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив И. Ф. Тюменева. — ГПБ, ф. 796, оп. 1, ед. хр. 1—285; оп. 2, ед. хр. 1—

² Например: А. Орлова. Труды и дни М. П. Мусоргского. Летопись жизни **и** творчества. М., 1963; М. А. Балакирев. Летопись жизни и творчества. Сост. А.С. Ляпунова и Э. Э. Язовицкая. Л., 1967.
3 С. Н. Кондаков. Юбилейный справочник имп. Академии художеств.

1764—1914. (СПб., 1914) ч. II, стр. 201.

4 Афанасий Алексеевич Архипович (1860—1889) — ученик Академии художеств, окончил курс в 1883 г.

⁵ Илья Евгеньевич Вершинин (1859—1913) — ученик Академии художеств; впо-

следствии (с 1887 г.) художник-мозаичист.

• Филипп Антонович Чирка (род. 1859 г.) — ученик Академии художеств с 1879 по

1891 г.; получил звание классного художника 2-й степени.
⁷ «Кончина Ф. М. Достоевского».— «Новое время», 1881, № 1768, 29 января. В дальнейшем сбор пожертвований продолжался попризыву Д. В. Григоровича, выступившего от имени друзей и почитателей покойного на Пушкинском вечере в зале Кононова (ныне Мойка, д. 61), где был выставлен только что написанный И. Н. Крамским (см. примеч. 14) портрет Достоевского на смертном одре и собравшиеся почтили его память (там же, № 1769, 30 января).

8 Автор ошибается: не Кузнечный пер., а Ямская ул., на которую также выходит

д. 5, переименована в улицу имени Достоевского.

Д. В. Григорович был главным распорядителем на похоронах Достоевского.

10 Это объясняется тем, что по желанию Достоевского его жена предполагала нохоронить его тело в Новодевичьем монастыре, рядом с Некрасовым, но во время переговоров с настоятельницей монастыря наместник Александро-Невской лавры предложил бесплатное место на любом из кладбищ Лавры (А.Г.Достоевская. поминания, стр. 383—384; «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской». Перев. с нем. Л. Я. Круковской. Под ред. и с предисл. А. Г. Горифельда. М. — Пг., 1922, стр. 100—103).

19 Федор Федорович Светлов, близкий знакомый Тюменева; окончил научный курс

Академии художеств в 1880 г. по классу живописи.

12 Дмитрий Николаевич Соловьев — преподаватель латинского языка в 1-й Петербургской мужской гимназии, брат К. Н. Соловьева (см. примеч. 37). О нем — в «Мо-ей автобиографии» Тюменева, т. III, лл. 145, 439 об.

13 Первой мужской гимназии в списке похоровного шествия за гробом Достоевского нет («Новое время», 1881, № 1770, 31 января). Директором гимназии, помещавшейся на углу ул. Кабинетской и Ивановской, в 1881 г. был действительный статский советник Александр Иванович Чистяков.

14 Иван Николаевич Крамской (1837—1887) написал портрет Достоевского на

смертном одре, исполненный с натуры 29 января 1881 г. (итальянский карандаш, соус);

ныне хранится в Литературном музее ИРЛИ.

15 Кирилл (Карл) Викентьевич Лемох (1841—1910)—художник, живописец-жаприст, один из учредителей Товарищества передвижных выставок и активный его член.

16 Владимир Иванович Васильев 1-й (1828—1900)—певец (бас) и общественный деятель. С 1858 по 1882 г. пел в Мариинском театре в Петербурге. Один из лучших исполнителей партии Сусанина.

¹⁷ Вероятно, Александр Яковлевич Морозов (1839—1915) — режиссер оперной

труппы; служил в Мариинском театре с 1857 г. почти до своей смерти.

18 Иван Александрович *Мельников* (1832—1906) — певец (баритон) и педагог. С 1867 по 1892 г. пед в Мариинском театре; первый исполнитель ряда партий в опе-Чайковского.

19 Карл Карлович Кистер (ум. 1893)—помощник управляющего имп. театрами в

Петербурге.

20 Константин Григорьевич Бродников и Николай Федорович Сазонов (1843—

1902) — драматические артисты Александринского театра.

21 Мариус Иванович Петипа (1822—1910) — балетмейстер, танцовщик и педагог;

с 1862 по 1904 г. — гланный балетмейстер Мариинского театра.

22 Николай Николаевич *Каразин* (1842—1908) — художник, этнограф, писатель. Основатель и действительный член Общества русских акварелистов, о котором, вероятно, и идет речь.
²³ Зал Павловой — театрально-концертный зал на Троицкой ул. (ныне ул. Ру-

²⁴ Дмитрий Васильевич Аверкиев (1836—1906) — писатель, драматург и театраль-

ный критик. Сотрудничал в журналах «Время» и «Эпоха».

²⁵ Траурный листок был отпечатан по заказу А. Г. Достоевской, как она пишет, «по желанию почитателей таланта Ф. М. Достоевского» («Музей памяти Ф. М. Достоевского в имп. Российском историческом музее им. имп. Александра III в Москве. 1846— 1903. Сост. А. Достоевская, спортретами и видами». СПб., 1906, стр. 68).

похороны достоевского

Похоронная процессия перед Александро-Невской лаврой Рисунок (перо) И. Ф. Тюменева, 1881

Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинг ад

²⁶ Михаил Андреевич Берман (род. 1841) — учитель пения; служил в петербургской городской училищной комиссии с 1877 г., руководил певческим хором при Городской думе («Русская старина», 1887, № 10, стр. 179—180).

²⁷ В «Мою автобиографию» Тюменева, т. III вклеен траурный листок (л. 439). 28 М. П. Иванов — участник кружка любителей хорового пения, устраивавшего музыкальные вечера с благотворительными целями в зале петербургской Городской

думы в конце 1870 — начале 1880-х годов.

²⁹ Лития (греч.) — усердная молитва в православном богослужении. Особый ее род установлен для моления об умершем, совершаемый при выносе тела из дома и по дороге на кладбище.

30 Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902) — ботаник, общественный деятель, профессор Петербургского университета (1863 — 1897), в 1876—1883 гг. был его ректо-

ром, дед А. А. Блока.

¹ Церковь «Знамения Пресвятой Богородицы» была на углу Невского пр. и Знаменской ул. и площади (ныне ул. и пл. Восстания); на ее месте сейчас станция метро «Площадь Восстания».

32 Церковь Святого духа в Александро-Невской лавре, где происходило отнева-

академии И. Л. Янышев.

Достоевского.
³³ «Славянское благотворительное общество» образовалось в Петербурге в 1877 г., во время русско-турецкой войны и имело целью помощь балканским славянам и добровольцам, отправлявшимся на войну.

³⁴ Гроб встречали наместник монастыря архимандрит Симеон и ректор Духовной

35 Алексей Антипович Потехин (1829—1908) — беллетрист и драматург. 36 «Везенберг и К°» — фотографическая фирма в Петербурге (отделения на Вознесенском пр. 26/30 и на Фонтанке № 55), специализировавшаяся на изготовлении переснимков с портретов деятелей русской культуры и особенно писателей. Переснимки были разных размеров, увеличенные и уменьшенные. Последние, на визитных паспарту, стоили очень дешево.

37 Соловьевы — Константин Николаевич (дирижер хора) и его жена Анна Федо-

- ровна (Нюша) близкие друзья Тюменева.

  38 Павел Алексеевич Черкасов (1834—1900) академик живописи, автор картины «Вид на Неву и Зимний дворец». С 1869 по 1875 г. исполнял обязанности инспектора академических классов; с 1875 по 1892 г. состоял надзирателем академических классов.
  - 39 Достоевский похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры,

у самой ограды, отделяющей кладбище от дороги, ведущей от ворот к собору.

40 Жена К. Н. Соловьева.
 41 Брат Ф. Ф. Светлова, приятель Тюменева.
 42 Федор Ильич Тюменев (ум. 1893) — отец И. Ф. Тюменева.

43 И. Ф. Т ю м е н е в. Моя автобиография. Дневник с автографами, т. 111 (1877 сентябрь— 1881).— ГПБ, ф. 796, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 438—442 об.